
МАРК ФАРЕН
Там, где кончается молчание
23:17
18+

Марк Фарен

Там, где кончается молчание

«Автор»
2026

Фарен М.

Там, где кончается молчание / М. Фарен — «Автор», 2026

Десять лет назад Алиса Воронова покинула приморский город, оставив первую любовь, семейную трагедию и мужчину, чьи слова о ночи пожара превратились в обвинение против её отца. Теперь ей тридцать два. Она архитектор-реставратор, привыкшая восстанавливать чужие дома и беречь собственное сердце. После смерти бабушки Алиса наследует старый пансионат «Чайка» и решает его продать. Но обнаруживается записка: «Начни с того, что случилось в 23:17». За ней следуют исчезнувший журнал, противоречивые свидетельства и вопросы о пожаре, в котором погиб сторож пансионата. Чтобы разобраться с этим, Алисе приходится вновь работать с Кириллом Севериным - своей первой любовью. Десять лет назад он рассказал следователю не всё. Теперь молчание, которым Кирилл пытался защитить близкого человека, грозит разрушить их едва зародившееся доверие. Чем больше Алиса узнаёт, тем труднее отличить правду от привычных обвинений, а недоверие - от притяжения. Сумеют ли они дать любви второй шанс?

© Фарен М., 2026
© Автор, 2026

Марк Фарен
Там, где кончается молчание

МАРК ФАРЕН
ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ

МОЛЧАНИЕ
Роман
2026

Некоторые люди возвращаются, чтобы получить прощение. Другие — чтобы узнать, почему их предали.

Романтика · Второй шанс · От недоверия к любви · Семейные тайны · Психологическая интрига

Аннотация

Десять лет назад Алиса Воронова покинула приморский город, оставив первую любовь, семейную трагедию и мужчину, чьи слова о ночи пожара превратились в обвинение против её отца.

Теперь ей тридцать два. Она архитектор-реставратор, привыкшая восстанавливать чужие дома и беречь собственное сердце. После смерти бабушки Алиса наследует старый пансионат «Чайка» и решает его продать.

Но в бабушкиных бумагах обнаруживается записка: «Начни с того, что случилось в 23:17». За ней следуют исчезнувший журнал, противоречивые свидетельства и вопросы о пожаре, в котором погиб сторож пансионата.

Чтобы разобраться с опасным зданием и собственным прошлым, Алисе приходится вновь работать с Кириллом Севериным — своей первой любовью. Десять лет назад он рассказал следователю не всё. Теперь молчание, которым Кирилл пытался защитить близкого человека, грозит разрушить их едва зародившееся доверие.

Чем больше Алиса узнаёт, тем труднее отличить правду от привычных обвинений, а недоверие — от притяжения. Сумеют ли они дать любви второй шанс, если прошлое так и не подарит им простых ответов?

Предисловие

В старых домах тишина редко бывает пустой. Она живёт в скрипе лестниц, в закрытых ящиках и в именах, которые за столом стараются не произносить. Люди привыкают обходить такие места — и однажды обнаруживают, что незаметно изменили ради них всю жизнь.

Однажды ночью в приморском городе случился пожар. Одни запомнили дым и сирены, другие — слова, сказанные следователю, короткую запись в журнале и поспешно закрытую дверь. Десять лет каждое воспоминание существовало отдельно. Там, где не хватало ответов, появлялись догадки, которые постепенно стали считать правдой.

Алиса Воронова умеет восстанавливать здания, находить трещины под красивой отделкой и возвращать старым стенам будущее. Но есть разрушения, которых не измерить линейкой. Их оставляют в памяти люди, которым однажды доверяли безоговорочно.

Возвращение к морю должно было занять всего несколько дней: наследство, бумаги, продажа, билет назад. Однако прошлое не спрашивает, удобно ли его вспоминать. Оно приходит с письмом человека, которого уже нельзя расспросить, с тревожными цифрами и с голосом мужчины, чьё молчание когда-то оказалось страшнее обвинения.

Здесь нежность не отменяет предательства, а раскаяние не стирает прожитых лет. Правда скрывается среди неполных свидетельств, чужого страха и собственной боли. И самый опасный вопрос порой звучит не «Кто виноват?», а «Что ты не сказал мне тогда?»

Осталась лишь запись: 23:17. И вопрос, на который никто не решился ответить вслух.

Часть I. Возвращение

Глава 1. Дом, который не умел прощать

В день, когда Алиса Воронова решила окончательно продать дом у моря, ей доставили письмо, написанное бабушкой.

В этом не было бы ничего странного, если бы Лидию Андреевну не похоронили девять дней назад. Конверт, отправленный ещё при её жизни, почему-то попал в офис только теперь.

Конверт лежал поверх рабочих чертежей, строгий, из плотной бумаги, без обратного адреса. Почерк на нём был знакомый, с наклонёнными вправо буквами, которые словно торопились друг за другом. Бабушка всегда писала так: будто время было вещью хрупкой и незачем расходовать её на красивое выведение каждой буквы.

Алиса стояла посреди петербургского офиса, прижимая телефон плечом к уху. На другом конце провода заказчик уже в третий раз объяснял, почему старинную лестницу лучше заменить на стеклянную. Наконец она перестала его слушать.

— Извините, Михаил Викторович. Давайте вернёмся к этому завтра.

— Но у нас сроки.

— У нас также есть несущие конструкции. Они не станут крепче от того, что мы сегодня поспорим.

Она отключила звонок и взяла конверт.

Внутри лежал маленький листок в клетку. Несколько коротких предложений:

«Аля, если ты всё-таки вернёшься, не начинай с комнаты наверху. Начни с того, что случилось в 23:17. И не верь человеку, который скажет, будто всё давно закончилось».

Ни даты, ни подписи. Впрочем, подпись была не нужна.

Алиса перечитала записку трижды. На четвёртый раз цифры перестали выглядеть обычным указанием времени и стали напоминать вырезанную в памяти щель.

В ту ночь ей было двадцать два.

Она помнила запах мокрой гальки. Кофту, которую надела наизнанку, выбегая из дома. Красные всполохи на окнах северного крыла. Помнила, что Кирилл держал её за плечи и повторял: «Туда нельзя». Позднее выяснилось, что именно ему придётся рассказать, кого он видел у служебной лестницы.

Он рассказал.

Только не всё.

— Алиса?

Она подняла голову. В дверях стояла её коллега Марина: короткие волосы, чашка кофе в руке, вид человека, который привык спасать чужие сроки.

— Ты опять не обедала.

— Отложи показ чертежей на понедельник.

— Он убьёт нас обеих.

— Значит, у него появится проект посложнее реконструкции лестницы.

Марина присмотрелась к её лицу.

— Что случилось?

— Мне нужно съездить в Заречный Берег.

Название прозвучало чужим. Так бывало всегда. Город существовал отдельно от неё: на картах, в прогнозах погоды, в случайных новостях об открытии набережной. Десять лет Алиса не произносила его без внутреннего усилия.

Марина ничего не спросила. Она знала только, что бабушка умерла, а Алиса провела на похоронах меньше суток и вернулась в Петербург первым утренним поездом.

— Бери столько времени, сколько нужно, — сказала Марина.

— Мне нужно два дня.

— Я сказала не два.

Алиса положила письмо в сумку и впервые за много месяцев почувствовала не усталость, а почти физическое нежелание понимать происходящее.

* * *

Поезд прибыл вечером, когда море уже теряло цвет.

Станцию не перекрасили. Те же голубые колонны, облупленные снизу, тот же продавец пирожков в киоске, где в детстве бабушка покупала ей горячую выпечку с картошкой. Только табло стало электронным, а голос диктора — неестественно ровным.

На платформе пахло водорослями и дизельным топливом.

Алиса взяла чемодан за ручку и пошла к стоянке. Таксист — грузный мужчина с седыми усами — долго возился с навигатором, хотя улицу Чайковского знал, должно быть, с рождения.

— К пансионату? — переспросил он, увидев адрес. — К старой «Чайке»?

— К ней.

— Давно там никого нет.

Алиса смотрела в окно.

— Полагаю, именно поэтому там недорогая парковка.

Мужчина хмыкнул.

— А вы не местная?

— Была местной.

— Так оно всегда и бывает.

Он не стал развивать мысль. За это Алиса была ему благодарна.

Город изменился ровно настолько, чтобы можно было притвориться, будто прошлое осталось в нём нетронутым. На месте кинотеатра теперь стоял торговый центр. Вдоль старой улицы появились низкие фонари с тёплым светом. Небольшие дома за железными заборами потеряли сады и приобрели парковки.

А море осталось тем же: широкая тёмная полоса между небом и берегом, которая не обещала утешения, но никогда и не делала вид, что оно ей по силам.

Когда машина свернула за сосновую рощу, Алиса увидела «Чайку».

Трёхэтажный деревянный дом на каменном основании, с окнами в белых переплётах и низкой башенкой, был похож на человека, который слишком долго пытался сохранять осанку. Южная веранда просела. На крыше не хватало нескольких тёмных черепиц. В саду разрослись кусты шиповника, и дорожку к калитке можно было найти только по старым каменным плитам.

В её памяти дом был больше.

В действительности он был просто старым.

— Подождать? — спросил таксист.

— Не надо.

Она расплатилась, открыла калитку и впервые за десять лет услышала, как скрипит эта петля.

В детстве ей казалось, что скрип похож на слово «стой». Бабушка смазывала петлю каждую весну, но к осени звук возвращался. «Дом разговаривает, — объясняла она. — Надо только уметь слушать».

Теперь Алиса не хотела ничего слушать.

Ключ, переданный нотариусом, с трудом повернулся в замке. В прихожей пахло прохладой, пылью и чем-то ещё — старым деревом, свечным воском, высохшими травами. Запах не изменился. От этого стало неожиданно больно.

Слева стояла высокая стойка регистрации, которую дед когда-то сделал своими руками. На стене за ней висели часы. Стрелки остановились на без четверти три. Алиса не помнила, чтобы они прежде были сломаны.

Она включила свет. Лампочка под потолком вспыхнула со второго раза.

«Только два дня, — напомнила она себе. — Осмотреть дом, сфотографировать, встретиться с агентом. Ничего больше».

В кабинете бабушки обнаружился аккуратно сложенный плед. Рядом — очки в футляре, раскрытая книга и маленькая коробка с пуговицами. Как будто хозяйка вышла на кухню и скоро вернётся.

У Алисы дрогнули губы.

Она положила ладонь на край стола. Здесь бабушка помогала ей делать уроки. Здесь они играли в карты по дождливым воскресеньям. Здесь, много лет спустя, Алиса кричала, что никогда больше не переступит порог этого дома.

И бабушка ответила тогда: «Никогда — слишком длинное слово для человека, которому двадцать два».

Алиса села на стул.

Она не расплакалась на похоронах. Не расплакалась, когда нотариус объяснял состав наследства, показывал документы и осторожно уточнял, собирается ли она вступать во владение. Она держалась и тогда, когда обнаружила, что бабушка сохранила все её школьные рисунки.

Теперь перед ней стояла коробка с пуговицами, и сил больше не осталось.

Плакала она тихо, почти сердито — так, будто слёзы были очередной неприятностью, которую нужно переждать.

Потом умылась ледяной водой, достала телефон и проверила связь. Две полоски.

На экране появилось сообщение от незнакомого номера:

«Вы приехали. Завтра в десять нужно осмотреть северную стену. Не подходите к старой лестнице. Кирилл».

Ей показалось, что в груди кто-то резко захлопнул дверь.

Десять лет без его имени — и вот оно светится на экране простыми белыми буквами.

Алиса набрала ответ:

«Не знаю, кто сообщил вам о моём приезде. В ваших услугах я не нуждаюсь. На территорию прошу не входить».

Через минуту появилась галочка о прочтении.

Ответа не было.

Она ещё долго смотрела на телефон. Раздражение, которое должно было принести облегчение, только усиливало странное беспокойство.

Потом где-то за стеной раздался глухой стук.

Алиса замерла.

Дом был пуст. Она сама проверила обе входные двери.

Стук повторился — теперь отчётливее, из той части здания, где десять лет назад выгорела лестница.

Она вышла в коридор, ощущая под босыми ступнями холодную доску пола. В темноте угадывалась дверь в северное крыло. На ней ещё сохранилась старая латунная табличка «Посторонним вход запрещён».

За дверью кто-то двигался.

— Кто здесь? — спросила Алиса.

Ответа не последовало.

Она протянула руку к ручке.

И вдруг услышала совсем близко собственное имя:

— Аля, не надо.

Голос звучал за её спиной.

Она обернулась.

Кирилл Северин стоял в конце коридора с фонарём в руке.

Глава 2. Человек, которому не верят

Встречи, которых боялась Алиса, всегда проходили в её голове гораздо удачнее.

В воображении она была спокойной и безразличной. Кирилл пытался что-нибудь объяснить; она с лёгкой улыбкой сообщала, что прошлое её больше не интересует. Потом поворачивалась и уходила, оставляя его один на один с заслуженным сожалением.

В действительности она стояла в тёмном коридоре старого дома, босиком, с красными после слёз глазами, и первая фраза, пришедшая ей на ум, была отвратительно обыденной:

— Откуда у тебя ключ?

Кирилл остановился в нескольких шагах.

Он изменился. Не настолько, чтобы она не узнала его, — это было бы проще, — а именно так, как меняются люди, с которыми нас связывает слишком много невысказанного. Лицо стало резче, у глаз появились тонкие линии. Волосы, когда-то почти всегда растрёпанные, теперь были коротко острижены. На нём была тёмная рабочая куртка, испачканная строительной пылью, и тяжёлые ботинки.

Он посмотрел сначала на неё, потом на дверь.

— Лидия Андреевна оставила мне запасной. Я приезжал по её просьбе проверять крыло.

— Лидии Андреевны больше нет.

— Я знаю.

В этих двух словах не было ни оправдания, ни требования сочувствия. От этого они прозвучали хуже.

— Я написала тебе, чтобы ты не входил.

— Сообщение пришло, когда я был снаружи, у хозяйственного входа. Я собирался проверить, откуда идёт шум. Услышал шаги в коридоре и окликнул тебя.

— У тебя была целая минута, чтобы уйти.

— Была.

Он не попытался спорить.

— Я сейчас уйду. Но сначала покажи, что собиралась открыть.

Алиса невольно оглянулась. Из-за двери снова донёсся короткий удар, потом что-то покатилось по полу.

— Там кто-то есть.

Кирилл направил луч фонаря на нижний край дверного полотна.

— Вероятнее всего, ветка. Разбитое окно не заделали до осени. Ветер разгоняет мусор по коридору.

— Вероятнее всего?

— Я не буду утверждать того, чего не проверил.

Когда-то он произнёс почти те же слова, сидя перед следователем.

Воспоминание пришло слишком быстро, и Алиса почувствовала, как пальцы сами собой сжались.

— Тогда тебе пора, — сказала она.

Кирилл посмотрел на её голые ступни.

— На втором участке пола треснула балка. По этому коридору лучше не ходить, пока я не поставлю временное ограждение.

— Я сама решу, где мне ходить в собственном доме.

— Конечно. Но от этого балка не перестанет быть треснувшей.

Он положил на столик у стены бумажный конверт.

— Здесь копия договора с Лидией Андреевной, последние результаты обследования и схема опасных участков. Твоё право не продолжать работы со мной. Только не игнорируй схему.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

Алиса заметила у него на левой руке тонкий белый шрам. Она помнила другую ладонь — тёплую, вечно пахнущую древесиной и мылом. Этой рукой он когда-то проводил по её волосам, когда она засыпала в машине после ночной поездки на маяк. Она ненавидела себя за то, что помнила такие подробности.

— Ты не спросишь, как я? — произнесла она и тут же пожалела.

Кирилл не улыбнулся.

— Если я спрошу, ты ответишь?

Нет, подумала Алиса. И ещё: да, если бы вопрос был задан иначе.

— Уходи.

Он вынул запасной ключ из кармана, положил рядом с конвертом и отступил.

— Если услышишь треск или увидишь, что штукатурка осыпается, выходи через главную дверь. Здесь сейчас никому нельзя ночевать наверху.

— Ты закончил?

— Да.

Он ушёл так же тихо, как появился.

Алиса стояла неподвижно, пока не услышала, как щёлкнул замок хозяйственной двери.

Потом подняла конверт. Листы были подписаны аккуратным техническим почерком. На первой странице значилось: «Обследование фактического состояния несущих конструкций. Объект: пансионат „Чайка“».

Внизу — подпись Кирилла.

Только теперь Алиса поняла, что бабушка действительно позвала его сюда. Не один раз, не случайно. Договор был заключён в марте. Обмеры выполнены в июне. Фотографии датированы августом.

То есть все эти месяцы Кирилл входил в её дом, разговаривал с бабушкой, пил, вероятно, чай из её любимых тяжёлых чашек, слушал про сад и потёкшую крышу. А Алиса звонила раз в неделю и говорила, что на работе много дел.

Чувство было нелепым и мучительным: словно кто-то занял её место за семейным столом.

* * *

Утром она проснулась от дождя.

Она всё же осталась на первом этаже, в маленькой комнате рядом с кухней. Ночь была беспокойной. Пару раз Алиса вставала и проверяла замки, потом долго всматривалась в темноту, прислушиваясь, не повторится ли шум.

За завтраком она изучила обследование.

Кирилл не преувеличивал. На фотографиях видно было раскрытие трещины у примыкания северной лестницы к перекрытию. В отчёте он рекомендовал ограничить доступ, выполнить расчёт временных опор и провести дополнительное инструментальное исследование. В тексте не было ни одной лишней фразы.

Как специалист Алиса могла возразить лишь по частностям.

И это раздражало.

Она позвонила риелтору, номер которого оставил нотариус.

— Мне нужен предварительный разговор о продаже, — сказала она. — И оценка без сказок про «уникальную атмосферу».

Риелтор представилась Ольгой Сергеевной и немедленно предложила приехать в обед.

— У нас, кстати, уже есть заинтересованная сторона. Вполне серьёзный инвестор.

— Так быстро?

— Подобные объекты давно на заметке. Земля у воды — редкость.

Алиса посмотрела на план дома. От здания к берегу шла узкая полоса сада, затем старый променад и спуск на пляж. Сад был почти единственным зелёным участком на этой части набережной.

— Название инвестора?

— «Северный берег». Девелоперская группа. Возможно, вы слышали.

Не слышала. И решила, что это хорошая новость.

Через двадцать минут в калитку постучали.

На пороге стоял Кирилл — без ключей, с закрытой папкой под мышкой.

— Ты издеваешься? — спросила Алиса.

— Нет. Можешь не впускать. Я пришёл предупредить, что ночью подмыло участок под восточной верандой. Сегодня туда нельзя выходить.

— Ты ведь мог написать.

— Написал. Сообщение не доставлено.

Она проверила телефон. Связи не было.

За его спиной дождь косыми линиями пересекал сад. Кирилл держал папку под курткой, чтобы не намочить документы.

Алиса нехотя отступила в сторону.

— Пять минут.

Он переступил порог и остался у коврика, не проходя дальше.

— Пять, — согласился он.

— Я посмотрела твой отчёт. Трещина старая. Она не могла возникнуть за одно лето.

— Не могла. Но сейчас она раскрывается быстрее.

— Это ещё надо доказать.

— Именно поэтому я предлагаю поставить маяки и наблюдать динамику.

Алиса скрестила руки.

— Ты пришёл спорить со мной как инженер или решать, что мне делать с наследством?

— Как инженер. Наследство — твоё.

Он говорил ровно. Она ожидала другой интонации: снисходительной, виноватой, хотя бы раздражённой. Кирилл не давал ей привычного повода разозлиться окончательно.

— Я собираюсь продавать дом, — сообщила она.

Он на мгновение отвёл взгляд к старым часам в холле.

— Это твоё решение.

— И ты не будешь меня отговаривать?

— Я бы хотел, чтобы ты сначала поняла, сколько он стоит и сколько потребуется вложить. Но решать тебе.

— Ты всегда так разговариваешь теперь?

— Как?

— Будто уже заранее признал себя виноватым и боишься коснуться любого слова.

Кирилл встретил её взгляд.

— Нет, Аля. Я просто научился не спорить с человеком о его чувствах.

Её имя прозвучало тихо и совершенно неуместно.

Она хотела ответить, что он потерял право на это сокращение. Хотела перечислить все годы, когда он молчал. Вместо этого спросила:

— Ты видел бабушку перед её смертью?

— За три дня.

— Она что-нибудь говорила обо мне?

Кирилл задумался.

— Спросила, перестала ли ты бояться высоты.

Алиса растерялась.

В детстве она забиралась на чердак и боялась смотреть вниз сквозь щели деревянной лестницы. Кирилл однажды провёл с ней целый вечер, пока она решалась пройти по верхнему настилу. Она давно забыла этот страх. Бабушка — нет.

— И что ты ответил?

— Что ты научилась строить лестницы для других людей. Наверное, со своими тоже разобралась.

Алиса отвернулась.

— Можешь идти.

На этот раз он не стал задерживаться.

У самой двери Кирилл обернулся:

— Если предложение поступит от «Северного берега», не подписывай ничего, пока юрист не проверит условия. Я не говорю не продавать. Просто там есть люди, которые покупают не здания.

— А что?

— Возможность убрать их с земли.

Он вышел под дождь.

Алиса закрыла за ним дверь, прислонилась лбом к прохладной деревянной створке и вдруг заметила, что впервые за десять лет провела с Кириллом больше минуты, не сказав ему самого главного.

Она не спросила, почему он тогда солгал.

Она боялась, что ответ уже был ей известен.

Глава 3. Двадцать три семнадцать

Женя Климова приехала с термосом кофе, двумя бумажными пакетами пирожков и лицом человека, которому сообщили хорошую новость, но забыли предупредить о возможных последствиях.

— Если это действительно ты, а не злая сестра-близнец, обними меня немедленно.

Алиса не успела возразить. Женя поставила еду на стойку регистрации и крепко обняла её.

От Жени пахло мокрой шерстью, кофе и каким-то лёгким цитрусовым парфюмом. В школьные годы она носила короткие синие ногти, влюблялась в неподходящих мальчиков и всегда знала секреты половины класса. Теперь она была главной редакторкой городского интернет-издания, разведённой матерью девятилетнего сына и единственным человеком в Заречном Береге, с которым Алиса продолжала переписываться.

— Ты похудела, — объявила Женя, отстраняясь.

— Ты всё ещё говоришь первое, что приходит в голову.

— Это не первое. Первое было: господи, она действительно вернулась.

Они уселись на кухне. В чайнике шумела вода, окна запотели от дождя. Через несколько минут дом начал походить на обитаемый: на столе лежали салфетки, кто-то смеялся, по радио негромко играла музыка из соседнего помещения.

Алиса поймала себя на том, что ждёт бабушкиных шагов за дверью.

— Я видела Кирилла, — сказала она внезапно.

Женя замолчала с пирожком в руке.

— Он здесь работает?

— Он обследовал дом.

— Лидия Андреевна его нанимала.

— Все знали, кроме меня?

— Почти все знали, что ей нужен инженер. Не все знали, кого именно она выбрала. Слушай, Аля, я понимаю…

— Нет. Не начинай.

Женя положила пирожок на салфетку.

— Хорошо. Не начну.

Алиса не ожидала согласия.

— Ты даже не спросишь, как прошло?

— Спрошу, когда ты захочешь рассказать. А пока у меня есть более полезный вопрос. Ты читала бабушкины бумаги?

Алиса достала записку и положила на стол.

Женя долго смотрела на цифры.

— Двадцать три семнадцать, — произнесла она. — Это не время вызова пожарных. Их вызвали после полуночи.

— Я знаю.

— И не время обнаружения возгорания.

— Тоже знаю.

Женя взяла телефон.

— У меня сохранился архив публикаций за тот год. Но там, скорее всего, не будет нужного.

— Я помню только, что свет погас.

— Когда?

— До пожара. Мы сидели на веранде с Кириллом. Весь северный корпус погрузился в темноту, и он пошёл узнать, что случилось.

— А потом?

Алиса медленно убрала волосы за ухо.

Память была странной вещью. Одни детали хранились в ней безупречно — холод металлической пряжки на ремне Кирилла, влажные доски под ладонью, надпись «Не шуметь после десяти» рядом с лестницей. Другие исчезли начисто. Она не помнила, куда именно он ушёл. Не помнила, сколько времени прошло до первого крика.

— Потом я увидела огонь.

Женя не стала настаивать.

— Значит, нужно искать журнал отключений.

— Что это?

— Если работы с электричеством оформляли как положено, должны были сделать запись. Здесь раньше работал электрик из городской службы. Роман Беляев тоже кое-что записывал в свой журнал. Его дочь говорила мне об этом много лет назад.

Алиса почувствовала, как внутри что-то сжалось.

Роман Беляев был человеком, которому она в детстве приносила пирожки с капустой, потому что он неизменно утверждал, будто капусту терпеть не может, и неизменно съедал всё до крошки. Он любил рассказывать страшные истории, заканчивая их совершенно нелепой шуткой.

В ночь пожара Роман погиб.

Для города он стал единственной жертвой происшествия. Для Алисы — человеком, которого отец, по мнению всех вокруг, не сумел уберечь.

— Анна всё ещё здесь? — спросила она.

— Работает в аптеке на центральной улице. Но не лезь к ней просто так, Аля. Она слишком много раз объясняла чужим людям, что её отец был не строчкой в газетной заметке.

Алиса кивнула.

— Я не собиралась.

Женя осторожно поставила чашку.

— Ты ведь понимаешь, что надпись с временем сама по себе ничего не доказывает? Даже если электричество выключили, могли остаться другие источники огня. И наоборот: запись могла быть сделана задним числом.

— Понимаю.

Это слово произнести было легко.

Труднее оказалось признать, что десять лет она считала историю законченной. Отца не осудили, но город всё равно вынес свой приговор. Кирилл сказал следователю, что видел Николая Воронова возле служебной лестницы незадолго до возгорания. Журналисты соединили две вещи так, как обычно соединяют события, когда хотят получить понятную историю.

Отец до конца жизни утверждал, что поднимался туда закрывать окно.

Алиса ему верила.

Но верить и знать — разные вещи.

* * *

Во второй половине дня дождь закончился.

Они прошлись по дому. Женя постоянно задерживалась у старых фотографий, узнавая людей на чёрно-белых снимках: официантку Нину с нелепой причёской, дедушку с первой семейной собакой, собственную мать в платье с огромными плечами.

В коридоре рядом с северным крылом Алиса обнаружила тонкую свежую полоску светлой пыли у стены.

— Кирилл говорил, здесь трещина, — заметила Женя.

Алиса присела, провела пальцем по полу и посмотрела вверх.

У стыка потолка и стены проходила узкая щель, почти незаметная в пасмурном свете. Теперь она понимала, откуда ночью слышался стук: ветер сдвигал ослабленную оконную раму в пустующем крыле. Вибрация передавалась на перекрытие.

— Он не ошибся, — произнесла она.

— Ты говоришь это таким тоном, будто тебя только что обманули.

— Я рассчитывала хотя бы на одну его ошибку.

Женя не удержалась от улыбки.

— Признание для начала неплохое.

Они вернулись в кабинет Лидии Андреевны. Алиса открыла ящики один за другим. В верхнем лежали фотографии и открытки, в среднем — квитанции, скреплённые резинками. Нижний ящик не поддавался. Замок был цел, но деревянная планка разбухла от сырости.

— Можно отвёрткой, — предложила Женя.

— Я не собираюсь ломать бабушкин стол.

— Тогда мы будем сидеть здесь до вечера и смотреть на него с уважением.

Алиса всё же принесла из сарая тонкую пластиковую лопатку, которой обычно пользовалась при демонтаже хрупких декоративных накладок. Через несколько минут ящик вышел из направляющей без повреждений.

Внутри лежали папка, фотография и плоский металлический ключ.

На фотографии были четверо: молодые Николай и Лидия Вороновы, Роман Беляев и незнакомый мужчина в светлом пиджаке. Снимок сделали возле новой вывески «Чайка», когда на её буквах ещё не было ни одной царапины.

На обороте бабушка написала: «Первое лето. Не всё, что строят вместе, принадлежит всем одинаково».

— Это кто? — спросила Женя, указывая на незнакомца.

Алиса покачала головой.

Женя прищурилась.

— Подожди. Я видела его в старом муниципальном архиве. Не уверена, но… кажется, это Андрей Троицкий. Отец нынешнего застройщика.

Алиса посмотрела на фотографию внимательнее.

Мужчина стоял чуть в стороне от остальных. Рука у него лежала на плече Николая Воронова, но он смотрел не в объектив — на берег за фотографом. В этом взгляде не было ничего преступного, только рассеянное любопытство. И всё же внезапная связь людей на старом снимке неприятно её встревожила.

— Может быть, он просто знакомый, — сказала она.

— Может.

Они открыли папку.

В ней находились копии планов электрощита, квитанции за ремонт и несколько листов старого хозяйственного журнала. Записи шли по датам, почти все — рукой Романа Беляева.

На последней копии Алиса прочитала:

«23:17. Северное крыло. Ввод отключён. Причина: вода в коробе у лестничной площадки».

Под записью стояли две подписи, одна из которых принадлежала её отцу.

Третья строка была пустой.

— Это оно, — прошептала Женя.

Алиса смотрела на дату.

Она уже знала, что одного журнала мало. Не было оригинала, не было схемы отдельного питания, не было ясности, кто и когда видел огонь. Но впервые за десять лет у неё появился не вопрос, который невозможно задать, а документ, который можно проверить.

Телефон Жени завибрировал.

Она прочитала сообщение, и улыбка исчезла с её лица.

— Что? — спросила Алиса.

— Кто-то узнал, что ты вернулась. У нас в редакции спрашивают, готовишь ли ты заявление о продаже.

— Кто спрашивает?

Женя показала экран.

Сообщение пришло от помощника Глеба Троицкого.

«Передайте госпоже Вороновой: лучше встретиться до того, как документы выйдут из дома».

Алиса перечитала короткую фразу.

— Откуда он знает про документы?

Женя не ответила.

За окнами снова зашумел ветер. Алиса положила ладонь на старую папку — и впервые с момента приезда поняла, что ей уже недостаточно просто продать дом.

Глава 4. Цена хорошей версии

Кирилл обнаружил Алису на веранде в половине восьмого утра.

Она стояла у края настила в резиновых сапогах, держа в одной руке рулетку, а в другой — рабочий блокнот. Волосы были собраны в небрежный узел, на щеке темнел след карандаша. Он вспомнил девушку, которая когда-то измеряла высоту дверных проёмов в их первой съёмной квартире и убеждала его, что стены можно сделать просторнее, если правильно расставить мебель.

Эта женщина больше не смотрела на него так, словно весь мир был интересным черновиком.

И всё же она измеряла веранду точно так же — с упрямой складкой между бровей.

Кирилл остановился возле калитки.

— Здесь были ночью сильные осадки. Отойди от наружного края.

Алиса не обернулась.

— Доброе утро и тебе. Я ставлю отметки, а не устраиваю испытание на прочность.

— Край уже сместился.

— На сколько?

— По предварительным замерам — на девять миллиметров за три месяца.

Она наконец посмотрела на него.

— Покажи исходные точки.

Кирилл почувствовал неожиданное облегчение. Спор о замерах был безопаснее любого другого разговора.

Они достали инструменты, сверили старые отметки, нашли деформированную стойку. Никакой романтики: холодные пальцы, мокрое дерево, необходимость держать тяжёлую линейку под неудобным углом. Но через десять минут Алиса перестала делать вид, будто Кирилла не существует. Она задавала конкретные вопросы, быстро схватывала ответы, предлагала поправки.

Только на завершении измерений, когда он подал ей карандаш, их пальцы случайно коснулись.

Алиса отдёрнула руку первой.

Он сделал вид, что не заметил.

— Подпорки можно поставить без полного разбора, — сказала она.

— Временно. И только после расчёта нагрузки.

— Я умею считать нагрузки.

— Я знаю.

— Ты постоянно так говоришь: «Я знаю». Что именно ты знаешь обо мне теперь?

Кирилл убрал блокнот в папку.

— Что ты не оставишь лестницу, пока не поймёшь, почему она треснула. И что спишь мало, когда боишься неприятного ответа.

Она посмотрела на него резко.

— Про сон ты ничего не знаешь.

— Тогда извини.

Он хотел сказать, что слышал её шаги всю прошлую ночь, когда проверял водосток со стороны сада. Но понял, что это только усугубит дело. Она не просила его наблюдать за ней.

— Мне нужно поговорить о журнале, — сказала Алиса.

Кирилл замер.

— Каком?

— В котором указано время отключения электричества.

Она следила за его лицом с профессиональной сосредоточенностью человека, ищущего микроскопическую трещину в привычной поверхности.

— Ты его нашла? — спросил он.

— Копию. Почему тебя это удивляет?

Кирилл опустил глаза.

— Потому что оригинал пропал ещё тогда.

— А почему ты знаешь, что он пропал?

Несколько секунд Кирилл молчал. Влажный воздух пах смолой, мокрой травой и морским песком. С улицы доносился шум проезжающего грузовика.

— Я помогал составлять перечень документации после пожара, — сказал он. — В следствие передали часть бумаг. Среди них не было журнала северного крыла.

— И ты не сообщил об этом?

— Сообщил.

— Есть протокол?

— Есть копия моего объяснения. Могу принести.

Алиса ждала. Она не знала, что хотела услышать: признание, оправдание или знакомую ложь, которую можно было бы немедленно отвергнуть.

— Ты ведь не думаешь, что всё закончилось коротким замыканием, — произнесла она.

— Я думаю, что окончательная причина так и не была установлена с той степенью уверенности, с которой её потом повторяли.

— Очень удобная формулировка.

— Зато точная.

Она шагнула ближе.

— Ты мог сказать мне это десять лет назад.

Кирилл выдержал её взгляд.

— Да.

Одно слово.

Не «я пытался», не «ты не слушала», не «всё было сложнее».

И именно оно причиняло боль сильнее любых оправданий.

— Почему не сказал?

Кирилл посмотрел на окно старого крыла. Там когда-то стояла маленькая лампа с зелёным абажуром. В ту ночь свет в ней погас первым.

— Потому что боялся того, что должен был сказать вместе с этим.

Алиса почувствовала, как внутри поднимается давняя, почти забытая злость.

— Кого ты защищал?

Он ответил не сразу.

— Не себя.

— Потрясающе. Почти благородно.

— Я не называю это благородством.

— Тогда назови правильно.

Кирилл медленно вдохнул.

— Трусостью.

Она ничего не сказала.

На мгновение между ними осталось только море, которое шумело за соснами, не обращая внимания на человеческие признания.

Потом Алиса отошла к дому.

— Принеси копию своего объяснения, — произнесла она, не оборачиваясь. — И все замеры. Нам нужно закончить работу.

Её голос был ровным и холодным.

Кирилл остался на веранде, пока она не исчезла в коридоре.

Десять лет он представлял этот разговор. Во всех его вариантах Алиса либо кричала, либо плакала, либо закрывала перед ним дверь. Он заранее соглашался на любое наказание, потому что оно было понятнее молчания.

Но она предложила работать.

Кирилл не знал, можно ли считать это шансом. Возможно, это было худшее из возможных испытаний: каждый день смотреть на женщину, которую любишь, и не иметь права облегчить собственную вину словами.

Когда он уходил, в саду кто-то стоял у калитки.

Невысокий мужчина в дорогом светлом пальто наблюдал за домом через прутья ограды. На его лице было выражение вежливого терпения.

— Вы Северин? — спросил он.

— Да.

— Меня зовут Глеб Троицкий. Мне сказали, вы занимаетесь состоянием здания.

Кирилл остановился.

— Кто сказал?

Троицкий улыбнулся.

— В маленьком городе невозможно хранить подобные секреты. Не хотите выпить кофе? Обсудим, как быстро дом может перестать быть проблемой.

Кирилл посмотрел на его идеально чистые ботинки, на руки без перчаток, на припаркованную за поворотом чёрную машину.

— Это не моя собственность.

— Я знаю.

— Тогда и обсуждать нечего.

Улыбка исчезла с лица Троицкого не сразу. Он словно проверял, стоит ли тратить на Кирилла ещё несколько любезных фраз.

— Странно, — сказал он наконец. — Десять лет назад вы были куда сговорчивее.

Кирилл почувствовал, как похолодела спина.

— Мы знакомы?

— Лично? Едва ли. Но мой отец вас помнил. Впрочем, вы, наверное, и сами знаете, что он умер.

— Знаю.

— Тогда не будем говорить о мёртвых. Они, к сожалению, не умеют исправлять чужие ошибки.

Троицкий кивнул на прощание и направился к машине.

Кирилл остался у калитки. В голове настойчиво возвращалась одна мысль: Троицкий приехал не за домом. По крайней мере, не только за ним.

Он приехал узнать, какие документы успела найти Алиса.

Глава 5. Трещина

Алиса не любила слово «восстановить».

Его произносили слишком легко: восстановить фасад, восстановить отношения, восстановить справедливость. На её работе всё начиналось с признания, что некоторые вещи уже никогда не станут прежними. Можно было укрепить перекрытие, заменить сгнившие балки, подобрать раствор, близкий к историческому, — но невозможно было отменить десятилетия дождей и чужих небрежных решений.

Дом сопротивлялся не потому, что имел характер. Просто его долго не ремонтировали.

Она сидела на полу бывшей игровой комнаты, разложив вокруг себя старые планы. По утрам здесь проводили занятия для детей отдыхающих. Когда Алисе исполнилось шесть, дед разрешил ей раскрасить на внутренней стороне двери маленькое солнце. Она нашла его вчера: бледный жёлтый круг под несколькими слоями лака.

Теперь игровой комнате предстояло стать временным штабом.

На стене были закреплены новые схемы, в ноутбуке — ведомость дефектов, а рядом лежал список материалов для безопасного временного укрепления. Работы не могли начаться без расчёта и согласования со специалистами, но хотя бы понимать порядок затрат Алиса была обязана.

Телефон позвонил в тот момент, когда она подсчитывала объём древесины.

На экране высветилось «Мама».

— Ты в доме? — спросила Татьяна Воронова без приветствия.

— Да.

— Алиса, пожалуйста, не делай ничего необдуманного.

— Удивительно, как быстро у нас с тобой получается переходить к главному.

Мать тяжело вздохнула. В Петербурге, где она жила последние восемь лет, было ещё раннее утро. Алиса представила её кухню, всегда идеально прибранную, без единой чашки

в раковине. После смерти отца мать разучилась терпеть беспорядок. Отступления от правил пугали её больше, чем сами проблемы.

— Я узнала, что застройщики предлагают хорошую цену, — сказала Татьяна.

— Ты уже разговаривала с ними?

Пауза была короткой, но достаточно долгой.

— Со мной связалась Ольга Сергеевна. Просто объяснила ситуацию.

— Она не имела права обсуждать со мной не согласованную сделку.

— Слова-то какие, Аля. «Не имела права».

— Это точные слова.

— Ты можешь перестать во всём искать подвох?

Алиса закрыла ноутбук.

— Ты звонишь, потому что беспокоишься обо мне, или потому что хочешь, чтобы я продала дом?

— Потому что помню, чем закончилась твоя последняя попытка спасти этот дом.

Теперь молчание возникло уже на другом конце линии.

Они почти никогда не говорили о пожаре. Мать научилась обходить эту тему, словно через всю их общую жизнь проходила глубокая трещина, которую нельзя было задевать. Алиса не могла решить, что страшнее: мамино молчание или редкие мгновения, когда оно внезапно обрывалось.

— В прошлый раз я никого не спасала, — сказала она тихо. — Я просто была там.

— Ты была ребёнком.

— Мне было двадцать два.

— Для матери это не имеет значения.

Алиса подошла к окну.

— Ты знаешь что-нибудь о том, как отключали электричество в ночь пожара?

Мать не ответила.

— Мам?

— Откуда у тебя этот вопрос?

— От бабушки. Она оставила записку.

Татьяна шумно выдохнула.

— Я просила её не ворошить это.

— Почему?

— Потому что твой отец умер, а мы с тобой ещё живы.

Фраза была жестокой именно своей практичностью. Для матери пережить горе означало перестать смотреть ему в лицо. Для Алисы это выглядело как предательство памяти.

— Я перезвоню позже, — сказала она.

— Аля, подожди. Ты ведь не собираешься снова искать Кирилла?

— Я не искала его. Он уже здесь.

Мать произнесла очень тихо:

— Тогда будь осторожна.

Связь оборвалась.

Алиса долго смотрела на потемневший экран. Её мать не удивилась имени Кирилла. Не спросила, почему он в доме. Только попросила быть осторожной.

Словно знала, что возвращение не ограничится продажей.

* * *

К полудню приехал независимый оценщик, рекомендованный Мариной из Петербурга, а не местным агентством. Мужчина по имени Виктор Панов говорил мало, много фотографировал и не обещал «справедливую цену за уникальное место».

— Рыночную стоимость строения без углублённого обследования можно оценивать только с оговорками, — объяснил он. — Земля — другая история. Берег интересен, но требуется проверить разрешённое использование, ограничения по водоохранной зоне и все обременения.

Алиса почувствовала удовлетворение: это были слова человека, который знает цену собственной ответственности.

— Вы знакомы с «Северным берегом»?

Оценщик убрал камеру.

— Встречал их сделки. Они делают бизнес. Это не характеристика хорошая или плохая.

— Они предложат меньше рынка?

— Почти любой покупатель попробует предложить меньше. Вопрос, насколько сильно вы нуждаетесь в деньгах и знаете ли свои альтернативы.

— Сейчас я нуждаюсь в информации.

— Тогда вам повезло. Информация дешевле ошибки.

После его отъезда Алиса спустилась к старой пристани. Вода была стального цвета, волны шли наискось, уткнувшись в выступающие из песка остатки волнореза. По пустой набережной шагали двое подростков, один катил велосипед. Никакой трагической музыки, никаких знамений. Просто жизнь продолжалась.

На скамейке у спуска сидел Кирилл с пластиковым стаканчиком кофе. Он смотрел в море и не заметил её приближения.

Несколько мгновений Алиса наблюдала за ним. В юности он не умел сидеть неподвижно: то поправлял часы, то крутил ключи, то смотрел на пролетающих чаек. Теперь движения стали экономнее. И только пальцы, охватывающие стакан, были напряжены.

— Ты снова следишь за мной? — спросила она.

Кирилл поднял голову.

— На общественной набережной это трудно доказать.

Она почти улыбнулась. Почти — и это её насторожило.

— Я встретилась с оценщиком.

— Хорошо.

— Он сказал, что дом нужно считать отдельно от земли.

— Логично.

— Если ты сейчас скажешь «я знаю», я столкну тебя с причала.

Кирилл опустил взгляд, пряча улыбку.

Алиса села рядом — на расстоянии вытянутой руки. Между ними лежала полоска влажной доски.

— Я не понимаю бабушку, — сказала она после паузы. — Она могла отправить мне документы раньше. Могла просто позвонить. Я бы приехала.

— Ты говорила ей это?

— Что?

— Что приехала бы, если бы она попросила.

Алиса открыла рот и закрыла его. Не говорила. Она уверяла бабушку, что приедет на Рождество, летом, после сдачи проекта. Всегда существовал следующий удобный момент.

Кирилл не стал развивать мысль.

— Лидия Андреевна не любила просить, — произнёс он. — Наверное, вы обе в неё.

— А ты кому достался?

Его лицо чуть изменилось.

— Больше всего — человеку, которым не хотел быть.

Алиса хотела спросить, что это значит. Но Кирилл встал, смял пустой стакан и указал на потемневшее небо.

— К вечеру обещают сильный ветер. Проверь окна в западном крыле. И держись подальше от веранды.

— Это приказ?

— Это просьба человека, который не хочет сегодня подписывать ещё один акт о повреждениях.

Он ушёл по набережной, не оборачиваясь.

Алиса посмотрела ему вслед.

Десять лет назад она любила его за способность превращать страх в шутку. Теперь он шутил редко, и каждый раз ей хотелось узнать, что именно он прячет за этой сдержанностью.

Она решила, что это всего лишь профессиональное любопытство.

Не самая убедительная ложь из тех, которые она говорила себе в последнее время.

Глава 6. Предложение

Глеб Троицкий приехал не один.

Рядом с ним была женщина лет сорока с тёмным каре, кожаной папкой и спокойным взглядом юриста, привыкшего замечать, как меняется положение клиента при каждом новом слове.

— Инна Юрьевна, наш специалист по сделкам, — представил её Троицкий. — Позволите пройти?

Алиса вышла на крыльцо и закрыла дверь за спиной.

— Можем поговорить здесь.

Троицкий едва заметно улыбнулся.

— На ветру?

— Вы сами выбрали время.

Женщина не вмешалась. Открыла папку, приготовила документы.

Глеб Троицкий был из тех людей, которые умеют выглядеть приятными, не пытаясь нравиться. Ухоженное лицо, серое пальто, хорошие часы. Он не смотрел на облупленную краску с брезгливостью. Напротив, казалось, что старый дом его искренне интересует.

— Мы готовы обсуждать покупку участка и строения единым лотом, — начал он. — Оценка предварительная, разумеется. Но думаю, предложение вас заинтересует.

Названная сумма оказалась значительно выше тех денег, которые Алиса предполагала получить за полуразрушенную «Чайку», и заметно ниже осторожной оценки при благоприятном использовании участка. Троицкий выбрал середину: достаточно щедрую, чтобы человек увидел будущую свободу, и достаточно низкую, чтобы компания осталась в выигрыше.

— А чего вы хотите на этой земле? — спросила Алиса.

— Небольшой комплекс для отдыха. Без высоток, не переживайте. Мы заинтересованы в сохранении местного характера.

— Это фраза из презентации или обязательство, которое вы готовы закрепить договором?

Инна Юрьевна впервые подняла глаза.

Троицкий рассмеялся.

— С вами приятно иметь дело. Вы задаёте правильные вопросы.

— Я ещё не начала задавать вопросы.

Она попросила оставить предложение в письменном виде и сообщить, какие предварительные условия они намерены включить в договор.

Юрист передала несколько листов.

Алиса быстро пробежала текст глазами. В нём говорилось о намерении сторон обсудить сделку, о сроке проверки объекта и о праве компании получить доступ к дополнительной документации после согласования. Никаких обязательств немедленно продать дом там пока не

было. Именно это и настораживало: бумага была составлена достаточно осторожно, чтобы ни к чему не обязывать покупателя.

— Почему такая спешка? — спросила она.

— Бизнес не любит неопределённости.

— Тогда вам не понравится ответ. Я не буду принимать решение сегодня.

Троицкий кивнул, словно ожидал именно этого.

— Разумеется. Но должен предупредить: каждая неделя увеличивает ваши расходы. А здание, насколько мне известно, пребывает в небезопасном состоянии.

— Вы знакомы с техническим заключением?

— Слышал общие сведения.

— От кого?

— В городе многое обсуждают.

Алиса закрыла папку.

— Название города — не источник информации.

На этот раз улыбка Троицкого стала холоднее.

— Я лишь пытаюсь избавить вас от проблемы, которая явно давно переросла свои размеры.

— Дом — не проблема.

— Ваш отец, кажется, говорил так же.

Тишина обрушилась на крыльцо неожиданно. Даже Инна Юрьевна посмотрела на своего начальника.

Алиса медленно положила документы на перила.

— Не упоминайте моего отца, если не собираетесь говорить о нём правду.

— Извините. Неудачная формулировка.

Троицкий выглядел человеком, который вполне умеет извиняться, не чувствуя ни капли сожаления.

— Я просто знал Николая Андреевича. В юности мы с ним часто встречались.

— Вы старше меня на четырнадцать лет. Когда я была маленькой, вам было достаточно лет, чтобы отвечать за свои слова.

— Верно. Тогда тем более должен сказать: ваш отец был упрямым человеком. Не всегда это шло ему на пользу.

Алиса подняла папку и вернула документы Инне Юрьевне.

— Присылайте предложение на электронную почту. Все дальнейшие переговоры — в письменной форме.

— Вы усложняете простую сделку.

— Возможно. Зато никто не забудет, о чём мы договорились.

Гости ушли.

Алиса дождалась, пока машина скроется за поворотом, и только потом разжала пальцы. Ногти оставили на ладонях красные полумесяцы.

Ей не нравилось, что Троицкий знал её отца.

Ещё больше ей не нравилось то, что он счёл нужным сообщить об этом именно сейчас.

* * *

Женя выслушала историю в маленьком кафе возле рынка.

— Он умеет нажимать на старые синяки, — заключила она.

— Ты его знаешь?

— Как журналист — да. Как человека — нет. Он предпочитает общаться через пресс-службу.

Официантка принесла две чашки чая. За соседним столиком спорили о футболе, и этот нелепый шум почему-то помогал Алисе не чувствовать себя участницей драмы, которая ставится специально для неё.

— Я видела на бабушкиной фотографии его отца, — сказала она. — Он стоял рядом с нашим дедом на открытии «Чайки».

Женя достала телефон и открыла архив городских новостей.

— Андрей Троицкий занимался снабжением строительных объектов. В девяностые помогал многим местным предприятиям материалами. Потом у него появилась своя компания. Сын расширил дело.

— И они теперь хотят землю.

— Все хотят землю у моря. Это ничего не доказывает.

— Ты второй человек за два дня, который мне это повторяет.

— Значит, ты проводишь время в хорошей компании.

Алиса покрутила ложку в чашке.

— Кирилл сказал, что копия его старого объяснения существует.

Женя перестала печатать.

— И ты попросила её?

— Да.

— Он согласился?

— Не отказал.

Женя смотрела на неё слишком внимательно.

— Что?

— Ничего.

— Женя.

— Ты хочешь, чтобы он оказался виноватым в твоих глазах, потому что тогда тебе не придётся пересматривать десять лет собственной жизни.

Алиса отодвинула чай.

— Ты журналистка. Твоё профессиональное призвание — находить чужие слабости?

— Моё профессиональное призвание — отличать удобную версию от доказанной.

— Ты не была там.

— Нет. И именно поэтому могу иногда смотреть на вещи без твоей боли.

Алиса поднялась.

— Я пойду.

Женя не задержала её. Только сказала вслед:

— Я не защищаю Кирилла. Я защищаю тебя от будущего момента, когда ты вдруг поймёшь, что некоторые ответы тебе не понравятся.

На улице Алиса долго стояла под козырьком, пока дождь не стал тише.

Она понимала, что подруга права в одном: злость удобна. Она придаёт прошлому форму, даже когда остальные чувства размыты. Но Женя не знала, что означало проснуться утром после пожара и обнаружить, что человек, который обещал быть рядом, уже дал показания, после которых соседки перестали здороваться с твоим отцом.

Он не просто ошибся. Он ушёл в ту сторону, где его слова принимали на веру, оставив Алису в одиночестве среди чужих взглядов.

Ни один новый документ не мог сделать этого небывшим.

Её телефон завибрировал.

Сообщение от Кирилла содержало одно предложение:

«Объяснение у меня. Готов передать при свидетелях, если так будет спокойнее».

Алиса почувствовала странный укол.

Даже теперь он предлагал ей право не доверять ему.

Она написала:

«Завтра, в десять, в доме. Жене тоже скажу».

Потом убрала телефон и пошла к морю, хотя ветер был холодным, а обувь совершенно не подходила для прогулок по мокрому песку.

Ей требовалось пространство, в котором никто не произносил фамилию её отца.

Глава 7. Ночь без света

Шторм пришёл за час до заката.

Сначала сорвало крышку с мусорного контейнера возле калитки. Потом дождь ударил по окнам так плотно, будто кто-то швырял на стекло горсти мелкого песка. К семи вечера над морем не осталось различимых полос неба. Только тьма и редкие огни на дальнем причале.

Алиса собиралась переночевать в городе. Она уже сложила одежду в чемодан, когда в коридоре раздался резкий хлопок.

На этот раз звук пришёл с западной стороны, а не из закрытого северного крыла.

Алиса взяла фонарь и осторожно пошла к кухне. Через окно было видно, как оторвавшийся лист кровельного железа ударяет по водостоку. Внизу собиралась вода. Одна из старых рам выбилась из крепления.

Она позвонила Кириллу.

Он ответил после третьего гудка.

— Что случилось?

— В западном крыле сорвало крепление рамы. Вода идёт внутрь. Я хотела перекрыть доступ к потолочному светильнику, но не понимаю, где отдельный автомат.

— Не трогай щит. Отойди от мокрого участка.

— Я и не собираюсь купаться в нём.

— Алиса.

Это был первый раз, когда он произнёс её полное имя с той интонацией, которой когда-то останавливал её у обрыва.

— Я отойду, — ответила она. — Но вода продолжит идти.

— Это сейчас неважно. Возьми документы, телефон и выйди в сухую часть дома. Я вызову аварийную службу и подъеду.

— Ты не обязан…

— Знаю.

Связь оборвалась.

Алиса надела куртку и перенесла папку с бабушкиными бумагами к выходу. С потолка в коридоре упали несколько мелких кусочков штукатурки. Она сделала шаг назад. Ветер качнул раму, вода коснулась старых проводов у стены.

Теперь стало по-настоящему страшно.

Не за дом — за то, что дом может повторить свою историю и заставить её снова стоять перед закрытой дверью, не зная, кто внутри.

Она вышла на крыльцо.

Через пятнадцать минут у калитки остановилась аварийная машина, следом подъехал Кирилл. Он был промокшим, хотя на нём был плотный плащ. Поднялся по ступеням и с первого взгляда понял, что она уже вышла из опасной зоны.

— Хорошо, — сказал он.

— Что именно?

— Что ты не пыталась чинить это сама.

Алиса хотела огрызнуться, но сил не нашлось.

Специалисты осмотрели ввод, отключили подачу на повреждённый участок и подтвердили, что в ближайшие часы оставаться в крыле нельзя. Одна из кровельных деталей требовала закрепления после стихания ветра. Временное ограждение поставили у дверей. Никаких

героических подъёмов на крышу под штормом не было: Кирилл и аварийщики не собирались погибать ради листа железа.

Когда машина уехала, Кирилл спросил:

— У тебя есть где переночевать?

— В гостинице на площади, наверное.

— Там сегодня группа туристов. Могу отвезти. Если не будет мест, есть свободная комната у моего знакомого. Я позвоню заранее.

— Ты всегда готовишь запасной план?

— С тех пор как понял цену первого, который не сработал.

Алиса посмотрела на мокрые ступени.

— Не превращай каждый разговор в намёк на ту ночь.

Кирилл молчал, пока она спускалась.

— Ты права, — произнёс он, когда они дошли до машины. — Прости.

* * *

В гостинице действительно не оказалось свободных комнат.

Знакомый Кирилла — пожилой владелец маленького дома у вокзала — согласился принять Алису, но электричество в его квартале тоже отключили из-за непогоды. Пока решали, как лучше поступить, Женя предложила иной вариант: её квартира была тесной, зато тёплой; сын ночевал у отца, а раскладной диван оставался свободным.

— Поезжай к Жене, — сказал Кирилл. — Там тебе будет спокойнее.

Алиса открыла сообщение от подруги.

«Только умоляю, не бери с собой весь архив, — писала Женя. — И захвати пирожки, если найдёшь открытый магазин».

Алиса не удержалась и улыбнулась.

— Кажется, она не может существовать без еды.

— Она всегда такой была.

— Ты помнишь.

— Не всё исчезает за десять лет.

Они остановились у круглосуточного магазина. Кирилл вышел за водой и чем-нибудь съедобным; вернулся с бумажным пакетом и двумя стаканами чая. Алиса обхватила пальцами тёплый картон. В машине пахло мокрой тканью, мятой и дождём.

Снаружи люди спешили по лужам, прикрывая лица капюшонами. Внутри стояла тишина, на этот раз не напряжённая, а почти домашняя.

— Ты ведь по-прежнему не ешь лук? — спросил Кирилл, предлагая пирожок.

Она повернула голову.

— Откуда ты помнишь такую ерунду?

— Не считаю её ерундой. Ты однажды оставила меня без ужина, потому что я купил две порции пирога с луком.

— Я съела тесто.

— А начинку отдала чайкам. Потом чайки преследовали нас до самого дома.

Алиса неожиданно рассмеялась.

Смех вышел коротким, почти болезненным. Она не сразу поняла, почему в глазах выступили слёзы. Не потому, что было грустно. Потому, что в старой памяти нашлось место для чего-то хорошего — и оно оказалось живым.

Кирилл не стал на неё смотреть. Он медленно отпил чай, будто нарочно оставляя ей возможность привести себя в порядок.

— Я не всё время была злой, — сказала она.

— Я никогда не думал, что ты злая.

— Что же ты думал?

— Что тебе пришлось стать очень сильной в тот момент, когда ты имела право просто быть несчастной.

Алиса опустила глаза.

— Не говори так.

— Хорошо.

Он не спросил почему.

Молчание длилось несколько минут.

— А ты? — наконец произнесла она. — Что стало с тобой после того, как я уехала?

Кирилл смотрел на лобовое стекло, по которому стекала дождевая вода.

— Поработал в Калининграде. Потом вернулся. Мать заболела. Егор окончил училище. Я начал заниматься обследованиями. Всё довольно обычно.

— Ты женился?

Вопрос прозвучал слишком быстро. Алиса сама услышала в нём неловкую прямоту.

Кирилл повернулся.

— Нет.

— Почему?

Он мог бы отшутиться, и она почти хотела, чтобы он это сделал.

Но он ответил серьёзно:

— Потому что долго не умел быть честным с человеком, который мне доверяет. И не хотел повторять это с другим.

Алиса почувствовала, как в машине изменился воздух.

Она поставила стакан на держатель. Кирилл не приближался, не касался её. Он просто смотрел, и в этом взгляде было нечто труднее переносимое, чем откровенное желание: терпение человека, который не считает себя вправе требовать ответа.

— Не надо, — сказала она почти шёпотом.

— Не буду.

Он отвернулся первым.

Через минуту они подъехали к дому Жени.

Алиса открыла дверь, но не сразу вышла.

— Спасибо, — произнесла она.

— За что?

— За то, что приехал. И за то, что не стал делать вид, будто нам теперь легко.

Кирилл кивнул.

Она вышла под дождь. На крыльце уже стояла Женя, размахивая полотенцем и что-то крича о промокших ботинках.

Алиса поднялась к ней и, прежде чем закрыть дверь подъезда, оглянулась.

Кирилл ещё сидел в машине.

На долю секунды ей захотелось вернуться. Не чтобы простить, не чтобы поцеловать, даже не чтобы задать вопрос. Просто сесть рядом и позволить тишине больше ничего не доказывать.

Вместо этого она пошла наверх.

Это было первое маленькое решение, в котором прошлое не победило, но и не было забыто.

* * *

Утром Женя сказала, что всю ночь ей звонил неизвестный номер.

— Не брала. Думала, это рекламщики. А потом пришло сообщение.

Она протянула Алисе телефон.

На экране было написано:

«Не ищите оригинал журнала. Его нет. И спросите у Северина, почему он не подошёл к северной двери в 00:04».

Алиса прочитала фразу дважды.

Неизвестный отправитель назвал время, которого не было в бабушкиной записке.

И впервые за десять лет она почувствовала не только страх перед прошлым, но и страх перед человеком, который всё ещё следил за ним.

Глава 8. Голоса на плёнке

Кирилл приехал в десять без пяти.

Это раздражало Алису почти так же, как если бы он опоздал. Она всю ночь собиралась с мыслями, чтобы встретить его спокойно, и теперь не успевала закончить внутренний монолог, который должен был сделать её неуязвимой.

Женя открыла дверь первой.

— Мы сегодня в составе комиссии, — объявила она. — Если кто-нибудь начнёт бросаться обвинениями, я включу диктофон.

— Только после согласия всех присутствующих, — ответил Кирилл.

— Ты испортил мне драматический эффект.

Они разместились в кабинете бабушки. Алиса убрала со стола открытки и поставила рядом три стакана воды. Ей казалось, что так легче будет говорить об обстоятельствах пожара: если вокруг всё станет достаточно аккуратным, разговор тоже выйдет строгим и беспристрастным.

Кирилл положил перед ней копию старого объяснения.

— Это мой экземпляр, — сказал он. — Я сохранил его после допроса. Ни одной страницы не менял.

Алиса прочитала текст медленно.

«Около полуночи видел Н. А. Воронова у перехода между северным крылом и хозяйственной лестницей. Он двигался в сторону внутреннего двора. Через некоторое время был замечен дым…»

Формулировка казалась сухой. Не было слова «поджёг», не было утверждения о вине. Но Алиса помнила, как местная газета напечатала на первой полосе: «Хозяин пансионата последним выходил из крыла, где начался пожар».

— Ты подтверждаешь каждое слово? — спросила она.

— То, что тогда сказал, — да.

— «Около полуночи». Насколько около?

— Часы в холле показывали без трёх минут двенадцать, когда я прошёл через центральный вход. Николая Андреевича я видел до этого. Поэтому в объяснении не назвал точного времени.

— Почему ты не попросил уточнить газетную публикацию?

— Попросил. Редактор ответил, что заголовок не меняет сути.

Женя поморщилась.

— Ненавижу коллег, которые употребляют эту фразу.

— У тебя осталось обращение? — спросила Алиса.

— Да.

Он передал ещё один лист. На нём стояла дата, исходящий номер и короткая просьба исправить смысловое искажение.

Алиса рассматривала бумагу. Ей хотелось, чтобы она была фальшивой. Тогда всё осталось бы прежним.

— Почему ты не показал это мне?

Кирилл ответил не сразу.

— Потому что тогда у нас уже не получалось разговаривать. И потому что существовала другая часть истории, которую я скрывал.

Женя подняла взгляд.

— Какая?

— Я пока не готов отвечать за другого человека.

Алиса резко откинулась на спинку стула.

— Значит, ты продолжаешь выбирать, какую часть правды нам можно знать.

— Да, — сказал Кирилл. — И понимаю, что имеешь право за это не доверять мне.

Алиса ожидала оправданий. У неё не было заготовленного ответа на честное согласие.

Она закрыла папку.

— Тогда всё. Пока ты скрываешь хоть что-нибудь существенное, мне не о чем с тобой говорить за пределами работы.

Кирилл кивнул.

— Принимаю.

Женя скрестила руки на груди.

— А копию журнала мы хотя бы можем обсудить профессионально?

Они вернулись к отметке «23:17». Кирилл изучил план электрощита, указал на отдельную ветвь резервного освещения и осторожно объяснил, что отключение главного ввода ещё не означало полного отсутствия электричества в крыле. Нужно было установить, какие цепи действительно оставались под напряжением. И был ли этот журнал вообще настоящим.

— Мы можем проверить бумагу, — сказала Алиса.

— Можем. Но даже подлинная запись не докажет, что электричество было отключено физически. Она докажет, что кто-то внёс такую запись.

Это звучало убедительно. Ненавистно убедительно.

Кирилл встал, собрал бумаги и направился к выходу. На пороге он задержался:

— Аля, что бы ни было между нами, не ходи одна в северное крыло. Я заканчиваю схему временного ограждения. Завтра привезу её и смету.

— Я услышала.

Когда он ушёл, Женя несколько секунд молчала.

— Удивительно, — произнесла она наконец. — Вы двое до сих пор умеете говорить на одном языке только тогда, когда речь о балках.

— Или о том, как правильно меня злить.

— Это тоже общая профессиональная квалификация.

* * *

К обеду они перебрали почти все вещи в бабушкином кабинете.

За полками с книгами обнаружилась низкая ниша, где Лидия Андреевна хранила школьные грамоты, коробки с фотографиями и небольшой кассетный диктофон. Алиса помнила этот прибор: бабушка записывала на него рассказы старых отдыхающих и собственные заметки о хозяйстве, потому что не любила писать на ходу.

В коробке лежали три кассеты. На первой значилось «Лето. 2001». На второй — «Расходы и ремонт». Третью подписали только цифрами: «08/16».

Алиса перевернула её в пальцах.

— Август две тысячи шестнадцатого, — сказала Женя.

— Месяц пожара.

Они нашли батарейки в магазине за углом. Диктофон сначала отказался включаться, потом заскрежетал шестерёнками и затянул ленту. Женя осторожно извлекла кассету. Пришлось почистить механизм и перемотать плёнку вручную, чтобы избежать повреждений.

— Может, лучше не рисковать? — спросила Алиса.

— Согласна. Я знаю человека, который оцифровывает старые записи. Прямо в центре города. Не будем уничтожать единственный экземпляр из-за любопытства.

Они завернули кассету в плотную бумагу и положили в отдельный конверт.

Вечером Алиса осталась одна. Дом шумел под ветром, но теперь звуки стали узнаваемыми: скрип старой рамы, гул вентиляционной шахты, глухое постукивание незакреплённой детали карниза.

Она достала из коробки другую кассету — «Лето. 2001» — и долго смотрела на неё.

На ней, вероятно, был записан дедушкин голос. Возможно, собственный детский. Возможно, бабушкино сердитое: «Не бегайте по лестнице».

Алиса вдруг поняла, что боится слушать не таинственную запись, а обычную.

Тайна обещала хотя бы какое-то действие. Любовь к мёртвым оставляла только место, в котором они больше не отвечают.

Она убрала кассету обратно и выключила свет.

Глава 9. Последний день августа

Утром Алиса отправилась на городское кладбище.

Она не планировала этого. Просто, проснувшись, обнаружила, что не может приступить ни к смете, ни к переписке с риелтором. Во вчерашнем разговоре Кирилла была одна фраза, от которой она никак не могла отделаться: «Я пока не готов отвечать за другого человека».

Кого он защищал?

Его собственных друзей? Сотрудников пожарной службы? Отца? Младшего брата?

Егор Северин в ту пору был почти ребёнком. Алиса помнила его худым подростком с длинными руками и бесконечно испачканными краской кроссовками. Он помогал старшим таскать доски, увлекался мопедами и смотрел на Кирилла так, будто тот был единственным человеком, который знает ответы на все вопросы.

На кладбище было тихо. Сосны стояли неподвижно, только верхние ветви слегка колыхались на ветру.

Алиса положила белые хризантемы на могилу бабушки. Рядом лежала табличка с именем её отца. Николай Воронов умер через два года после пожара, уже в Петербурге, куда мать настояла его перевезти лечиться. Алиса много раз пыталась вспомнить последний разговор с ним и каждый раз натыкалась на раздражающе обычные вещи: как он спрашивал, взяла ли она зонт, и просил не тратить деньги на дорогие лекарства без назначения.

Никакого торжественного прощания не было. Никакой фразы, которая могла бы стать утешением.

Она присела рядом с памятником.

— Я нашла бабушкины бумаги, — сказала она вслух.

Ветер тронул бумажную ленту на венке.

— Я пока ничего не знаю. И ты, наверное, сказал бы мне оставить всё в покое.

Она замолчала.

Отец действительно мог бы так сказать. Он никогда не требовал, чтобы его защищали. Ни в дни газетных публикаций, ни позже, когда бывшие знакомые перестали приглашать его на общие праздники. Он как-то сказал ей: «Не отдавай свою жизнь за моё имя. Мне хватит собственной».

Тогда Алиса разозлилась.

Теперь поняла, что он не запрещал искать правду. Он пытался уберечь её от долга, который сам не просил принимать.

— Но я всё-таки хочу знать, — тихо сказала она. — Ты уж прости.

На соседней дорожке послышались шаги.

Алиса подняла голову. К памятнику подошёл Кирилл с букетом мелких белых цветов в руках.

Он остановился, увидев её.

— Не знал, что ты здесь.

— У тебя это становится привычкой.

— Я могу уйти.

— Нет. Раз уж пришёл, оставайся.

Он положил цветы к могиле Лидии Андреевны. Потом выпрямился и постоял несколько секунд, глядя на знакомые имена.

— Ты часто приезжал? — спросила Алиса.

— К ней — да. Иногда и сюда.

— К моему отцу?

— Да.

Она посмотрела на него с недоверием.

— Зачем?

Кирилл опустил глаза.

— Потому что он однажды сказал мне вещь, которую я тогда не понял.

— Какую?

— «Люди путают вину и стыд. От второго не нужно прятаться, но первое нужно доказать».

Алиса почувствовала, как к горлу подступает комок.

Эти слова были в отцовском характере — неудобные, точные, даже в собственном несчастье обращённые к другим.

— Он сказал это после пожара?

— Когда мы встретились у суда.

— Он знал, что ты сказал следователю?

— Знал.

— И всё равно разговаривал с тобой?

— Он никогда не повышал на меня голоса.

Алиса отвернулась.

Она хотела спросить, почему Кирилл оставил на его могиле цветы раньше, чем пришла она. Но это был бы вопрос не о Кирилле. Это был бы вопрос о её собственном отсутствии.

* * *

После кладбища она зашла в районный архив старых газет.

Помещение находилось над библиотекой и пахло пылью, клеем и тёплым пластиком. Сотрудница в очках помогла найти подшивку за август 2016 года, предупредив, что часть материалов оцифрована, но сохранность оригиналов неидеальна.

Алиса просидела там больше двух часов.

В газетах было много фотографий пожара, комментариев спасателей и пересказов слухов. На одном снимке она увидела себя: молодую, с мокрыми волосами и чужой курткой на плечах. Рядом стоял Кирилл, но фотограф обрезал его лицо, оставив только руку на её плече.

Алиса долго смотрела на эту руку.

На соседнем развороте под заголовком о пожарной безопасности находилось интервью с Глебом Троицким. Тогда ему было тридцать шесть. Он рассуждал о необходимости модернизации старого жилого фонда и предлагал программу обновления береговой зоны.

Не было в этом ничего подозрительного. Застройщик говорил о застройке. И всё-таки Алиса заметила дату: интервью вышло за четыре дня до пожара, а разговор в нём касался конкретно старой части города, где стояла «Чайка».

Она сфотографировала страницу.

На выходе из архива ей позвонили из мастерской оцифровки.

— Запись получилось снять, — сообщил специалист. — Состояние ленты среднее, есть провалы и шум, но голоса различимы. Приходите, заберёте оригинал и копию. О содержании мы не судим.

Через полчаса Алиса и Женя сидели в машине у набережной, слушая фрагмент на ноутбуке.

Сначала были обычные бабушкины заметки: заказать бельё, спросить о ремонте крана, проверить наличие огнетушителей. Потом послышался шорох, щелчок, словно диктофон положили на деревянную поверхность. Голос Николая Воронова прозвучал неожиданно ясно:

«Я сказал, что это нельзя держать рядом с домом».

Мужчина ответил тише. Несколько слов утонули в шуме.

«…временное хранение. Завтра всё вывезем».

Николай сказал: «Сегодня. Я не собираюсь отвечать за чужую халатность».

Затем раздался звук закрываемой двери. Шаги, чей-то раздражённый смешок и бабушкино: «Коля, не надо ссориться при гостях».

На этом фрагмент оборвался.

Женя выключила запись.

— Даты внутри файла нет, — заметила она. — Плёнка подписана августом, но кто и когда на неё записал, нужно ещё установить.

— Я слышала этот голос, — прошептала Алиса.

— Отцовский?

— Другой.

Она пыталась отделить реальное воспоминание от желания что-то вспомнить. Голос казался знакомым, но не настолько, чтобы назвать имя.

— Мы не станем выбирать подозреваемого по тембру, — сказала Женя.

— Не станем.

— И запись не доказывает, что речь о горючих материалах.

— Знаю.

Женя посмотрела на неё.

— Ты удивительно хорошо умеешь соглашаться, когда не собираешься слушаться.

Алиса не улыбнулась.

— Если он говорил о чужой халатности, значит, предупреждал кого-то. Может быть, проблема существовала до пожара.

— Может. Но нужна проверка.

Они поехали к дому.

Возле калитки их ждала женщина средних лет в сером пальто. Она держала в руках небольшой бумажный пакет и выглядела так, будто уже несколько раз собиралась уйти.

— Алиса Николаевна? — спросила она.

— Да.

— Я Анна Беляева. Дочь Романа Павловича.

Алиса остановилась.

Женя тихо выдохнула:

— Аня…

Женщина подняла ладонь, останавливая её.

— Мне сказали, что вы снова ищете документы о пожаре.

— Я пытаюсь понять, что произошло.

Анна смотрела прямо на Алису, без ненависти и без тепла.

— Тогда запомните одну вещь. Мой отец умер не для того, чтобы кто-то из вас смог наконец почувствовать себя лучше.

Алиса не нашла ответа.

Анна протянула пакет.

— Это он оставил у нас дома за неделю до пожара. Я хотела выбросить. Много раз. Теперь пусть будет у вас, раз вы решили снова всё начать.

В пакете лежала связка старых ключей и фотография складского помещения с дверью, на которой белой краской была выведена цифра «4».

— Что это? — спросила Алиса.

— Не знаю. И узнавать не собираюсь.

Анна ушла, не попрощавшись.

Женя хотела последовать за ней, но Алиса остановила подругу.

— Не надо. Она сказала всё, что хотела.

Она посмотрела на фотографию.

За деревянной дверью виднелась металлическая бочка без маркировки. Снимок был слишком тёмным, чтобы понять, что именно находилось внутри.

И всё же чьи-то слова с кассеты вдруг обрели конкретное место: «Это нельзя держать рядом с домом».

Глава 10. Чужие следы

Егор Северин открыл дверь мастерской с таким видом, будто заранее знал, кто стоит на пороге.

За десять лет он сильно вырос и почти перестал походить на младшего брата Кирилла. Широкие плечи, обветренное лицо, короткая борода. Только глаза остались прежними — внимательными и чуть виноватыми, словно он собирался извиниться прежде, чем услышит обвинение.

— Аля, — сказал он. — Не думал, что ты придёшь.

— Значит, в этом городе осталось что-то, о чём не все знают заранее.

Егор отступил, впуская её.

Мастерская занимала бывший склад морского оборудования. На стенах висели инструменты, на верстаке лежал разобранный электромотор. Пахло металлом, маслом и крепким кофе.

— Кирилл знает, что ты здесь? — спросил Егор.

— А должен?

— Наверное, нет.

Алиса достала фотографию с дверью номер четыре.

— Ты узнаёшь место?

Егор взял снимок. Его выражение изменилось почти незаметно, но Алиса увидела, как он перестал дышать на секунду.

— Это старый склад у южного причала, — сказал он. — Его снесли лет пять назад.

— Там хранили что-то опасное?

— Не помню.

— Ты слишком быстро ответил.

Он положил фотографию на стол.

— Люди обычно отвечают быстро, когда задают простой вопрос.

— Не всегда.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Кирилл защищает тебя, — сказала Алиса.

Егор резко поднял голову.

— От чего?

— Это я у тебя спрашиваю.

Он прошёл к окну, поднял с подоконника пустую кружку и поставил её обратно. Снова и снова. В этом движении было что-то подростковое, знакомое Алисе из далёкого прошлого.

— Ты была тогда в доме, — произнёс он.

— Да.

— А я — во дворе.

Алиса почувствовала, как у неё пересохло во рту.

— Около полуночи?

— Да.

— У северной двери?

Егор обернулся.

— Ты знаешь про неё?

— Я знаю, что кто-то видел тебя там.

Он устало потёр лицо.

— Кирилл, значит.

— Он не назвал имени.

Егор коротко рассмеялся — без радости.

— Всё ещё пытается меня прикрыть.

Он сел на край верстака и долго смотрел на свои руки.

— Я не поджигал дом, Аля.

— Я не говорила, что поджигал.

— Но ты думала. Иначе бы не пришла сюда.

Она не ответила.

Егор заговорил медленно, словно каждое слово приходилось доставать из тяжёлого, давно запертого ящика.

В тот вечер он помогал разгружать материалы у причала. Подрабатывал, хотя Кирилл не одобрял ночную работу. Ближе к полуночи Егор пошёл к «Чайке», чтобы забрать оставленный велосипед. У служебного входа он заметил дым и услышал стук изнутри.

— Почему не позвал на помощь?

— Позвал. Романа Павловича искал, но там никого не было. Потом побежал за Кириллом.

— Кто-то слышал тебя?

— Не знаю.

— А твой брат?

Егор кивнул.

— Он увидел меня возле двери. Я тогда держал канистру. Там была вода для радиатора старого мопеда, не бензин. Но я только что вышел от склада, пахло машинным маслом, руки были грязные. Кирилл подумал худшее.

— И ты позволил ему так думать?

Егор сжал челюсти.

— Я сказал ему правду. Уже потом. Он не поверил сразу.

Алиса почувствовала укол жалости, но удержала его.

— Почему вы оба молчали?

— Я боялся, что меня сделают виноватым. Сначала в городе говорили, будто пожар из-за проводки. Потом пошли слухи про твоего отца. Мне казалось, если я заговорю, подозрения только усилятся. Я был семнадцатилетним идиотом.

— И за десять лет так ни разу не захотел исправить это?

— Хотел.

Егор поднялся.

— Я несколько раз приходил к следователю с братом. Со мной разговаривали. Мои объяснения есть в материалах дела. Но Кирилл не сказал, что видел меня с канистрой, а я сам не стал рассказывать о ней. Это была трусость. Я не оправдываюсь.

Алиса прислонилась к дверному косяку.

В этой истории не было удобного злодея. Был испуганный подросток, взрослый брат, который хотел защитить его, и отец Алисы, на которого город смотрел как на виновника. Все делали то, что казалось им безопасным. И каждый поступок оставлял след в чужой жизни.

— Что было за дверью? — спросила она.

Егор подошёл к столу, открыл старый ящик и достал сложенную вчетверо бумагу.

Это был выцветший план причальных складов, сделанный по памяти. На нём было отмечено несколько боксов, в том числе номер четыре.

— В тот день грузчики переносили туда канистры и бочки, — сказал Егор. — Я не знал, что внутри. На некоторых были старые технические этикетки. Мне платили за разгрузку, а не за вопросы.

— Кто платил?

— Человек по имени Сергей. Фамилию не называл. Он работал на подрядчика, который обслуживал участок причала. Иногда приезжал Троицкий-старший, но в тот вечер его уже не было.

— Это может быть связано с пожаром?

— Не знаю. Не хочу придумывать.

Алиса долго смотрела на план.

— Зачем ты его сохранил?

Егор ответил не сразу.

— Потому что иногда понимаешь: если однажды тебе дадут второй шанс сказать правду, нельзя снова полагаться только на память.

Она взяла бумагу.

— Разрешишь сделать копию?

— Забери. Но оригинал сначала сфотографируй и опиши, откуда он у меня. И не думай, что рисунок доказывает, что на складе было именно топливо.

— Ты говоришь как Кирилл.

Егор усмехнулся.

— К сожалению, я у него многому научился.

У двери он окликнул её:

— Аля.

Она обернулась.

— В ту ночь я видел ещё одного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.